

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Непереводимости реальные
и воображаемые
Листая «Европейский
словарь философий:
лексикон непереводимостей»
под ред. Б. Кассен (2004)

По сию сторону теоретических споров о переводе, там, где всё упирается в принцип реальности конкретных способностей и навыков конкретных людей, берущихся за перевод, существует формальный водораздел между двумя тенденциями: одни переводчики норовят каждое не «абсолютно точно» переведенное слово сопроводить сноской (часто донельзя эрувипедированной), другие считают каждую такую сноску жалом в собственную плоть, признанием фиаско, — маленького, но фиаско.

Легко обвинить первых в наивности, но идеал однозначности — сокрытый двигатель даже и самых ненаивных из нас. Тотальная, как выражаются семантические онтологи, *дизамбигуация*, изгнанная в дверь, неизменно возвращается в окно. Но и вторая тенденция, воплощающая установку некоего *скромного героизма* (мол, сделаю возможное и невозможное, но себя не выкажу ни на йоту), не безгрешна. Если запрещать себе *в принципе* любые пояснительные костыли-сноски, то рано или поздно наболит Одна Большая Сноска.

Такой гигантской сноской — ко всем переводам, со всех и на все (европейские) языки сразу — можно считать объемный коллективный труд, собранный (со всеми представимыми и непредставимыми мучениями) Барбарой Кассен вот уже несколько лет тому назад. Барбара

Кассен, известная французская специалистка по античности и переводчица, знакома русскому читателю по крайней мере по одной нетривиальной книге¹ — нетривиальной прежде всего тем, что ее переводчик нашел в себе смелость высказать свое категорическое с ней несогласие². Но здесь не место обсуждать греческую софистику, ее роль в истории философии и риторики, правоту или неправоту различных ее оценок.

Первоначальный импульс редактора-составительницы Б. Кассен был одновременно академическим и политическим и лежал в русле общего движения от двухполюсного мира к многополюсному. Много лет она работала на пересечении двух интеллектуальных орбит — античной (в частности, в школе Жана Боллака в Лилле) и германской (в том числе под влиянием личной встречи с Хайдеггером в 1969 г.), но затем осознала, что священный союз греческого и немецкого языков, фундаментальный для ее и не только ее поколения философов, — опасен, вреден для многообразия смыслов и философских посланий, сообщенных и сообщаемых миру на других языках. Б. Кассен отдает себе отчет и в том, что свергать греко-немецкий дуумвират сегодня, в эпоху глобализованного английского (*globish*), весьма рискованно. Английский — в его калеченном изводе «средства международного общения» — не случайно является, так сказать, *естественным* языком аналитической философии, которая также часто склонна обрезать всё, что непереводаемо на него. Заниматься *непереводимостями* совсем не означает «не переводить», а скорее напротив: заниматься самым сложным, но и самым симптоматичным в языке и мысли, сулящим новые открытия и богатства. Теория речевых актов получает здесь как бы новое измерение: перформативным эффектом обладает не только язык (речь), но и... философия *как* мышление неизбежно на определенном языке. Каждая идеолектальная философия производит соответствующую мысль, играющую непереводаемыми оттенками, и это — независимо от самых универсалистских ее претензий. Целью было обозначено «мыслить философию на языках» (р. XVII), а значит придать языкам функции, далеко выходящие за рамки «культурного наследия», которое нужно беречь. Наилучшее сохранение — творчество, мысль. Переводчику здесь отводится роль «проводника между способами мышления», что означает также — между языками и культурами. При этом задача ставилась и избежать представления о каждом языке как о за-

¹ Эффект софистики / Пер. с франц. А.А. Россиуса. М.; СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000.

² Переводчик публично выступил, заявив, что книга эта — «настоящая гадость, расписывающая историю греческой философии как раз под углом зрения (...) идеологии» отказа от фундаментальных гуманитарных ценностей, торжества культа пользы в ущерб созерцательности (*Россиус А.* Гуманитарное образование: порча изнутри // Русский Журнал. 12 февраля 2005. URL: <http://old.russ.ru/culture/education/20050212.html>.)

стывшем тождестве самому себе. Разумеется, нет: движение и обогащение происходит не только *между* языками, но и *внутри* каждого языка, в том числе и потому, что внутри каждого языка присутствуют и представлены другие языки.

Вот такая похвальная программа, давшая весьма интересный результат. У книги увлекательно-сложная структура, и статьи-гнезда намеренно разнородны по характеру и к тому же осложнены многочисленными врезками, содержащими филологические и исторические отступления. Статьи можно разбить на три категории: одни посвящены одному слову одного языка (например, *Aufhebung* или *mimesis*); другие — языкам (например, статья «Русский язык»; мы к ней еще, разумеется, вернемся) и, наконец, третьи — словам из разных языков на одну тему (например, о духе и духовном на разных языках). «Словарь» можно читать, конечно, и «от корки до корки», но все же он предназначен прежде всего для избирательного, постатейного консультирования. В книге много прекрасно сделанных статей, что не удивительно, учитывая, что к изданию было привлечено около 150 исследователей, среди которых, несомненно, и лучшие силы. Достаточно назвать Алена Бадью, Этьена Балибара, Реми Брага, Ламброса Кулубарициса, Жан-Франсуа Куртина, Франсуаз Дастюр, Женевьев Фрэнс, Сандру Ложье, Алена де Либера, Жаклин Лихтенштейн, Фредерика Нефа, Клода Романо...

Что не спасло «Словарь» от пробелов и просчетов. В некоторых признаётся и сама Б. Кассен. Один за другим поднимали белый флаг авторы, вызывавшиеся поначалу написать статью о метафорике в философских языках. Весьма недостаточной оказалась статья об отрицании (она, как говорится, в разы меньше статьи о русской «правде»). Лично мне не хватило статьи о *setzen* «полагать» (в смысле «дух полагает объективную действительность» или «дух полагает себя как самоцель»), центральном для немецкой классической философии. Не нашел я ожидаемой статьи про хайдеггеровский *Gestell* (который переводится на русский как «постав», однако досадное осложнение определяется хотя бы тем фактом, что в русском языке это неологизм, тогда как у немецкого слова десятки разных, и в том числе обыденных, значений). Интересной могла бы получиться статья о материи-материале-*matière-matériel-matériel-matière-matter-materia* и о веществе-*Stoff-éttoffe*. Столь же досадно, сколь и ожидающе, что в словаре нет статей о *rhizome*, *différance*, *trase* и других «не-терминах», предложенных современной (или недавней) французской философией: словарь обращен все же больше в прошлое, чем в будущее, и к тому, что составляет проблемы при переводе *на* французский, а не *с* французского. Часто остается нетематизированным и поэтому непонятным, что лежит в основе непереводимости — полисемия *языка* или особые смысловые инвестиции того или иного философа в обсуждаемое слово.

Вряд ли кто-то решится упрекнуть создателей в лакунах. Они были абсолютно неизбежны в столь гигантском проекте. Вероятно, кстати, что мы имеем дело с одним из последних бумажных мегапредприятий. Сетевое пространство представляется для такого рода проектов более подходящим. Работа здесь по определению всегда *in progress*. Пополнение и исправление в этой области бесконечно, тем более, что живой процесс философского творчества подбрасывает переводчикам всё новые задачи, и в том числе все новые языки, предлагающие свои идиомы, бросая вызов универсальному *globish*.

Но можно было ожидать от редактора-координатора большей осмотрительности, большего внимания, большей заботы о том, как бы фокализация на *переводe* не деформировала перспективу во взгляде на *филоσοфию*. В самом деле, Б. Кассен пишет:

Говорить о *непереводимостях* ни в коем случае не влечет за собой отказа от перевода тех или иных терминов, выражений, синтаксических или грамматических оборотов, ни утверждения о невозможности их перевести. *Непереводимость* — это скорее то, что не перестает (не) переводиться. Но она означает и то, что перевод на тот или иной язык проблематичен до такой степени, что иногда требует изобретения неологизма или же придания старому слову нового смысла. Это признак того, что при переходе от одного языка на другой ни слова, ни понятийные сети не перекрывают друг друга полностью. Понимаем ли мы под *mind* то же самое, что под *Geist* или *esprit*? «Правда» — это справедливость или истина? Что происходит, когда мы переводим *mimesis* терминами *représentation* или же *imitation*?

Задаваться этими вопросами правомочно, но историк *философии* прекрасно знает, что создание неологизмов или наполнение старого слова новым смыслом (или воскрешение забытого смысла у привычного слова, или установление различия там, где его не было) отнюдь не являются прерогативами *перевода* и что это самые банальные приемы в философии (я имею в виду самое обычное «внутри-одно-языковое» философствование, философствование на своем «собственном» языке). Трактовка этих приемов как своего рода «крайних мер», на которые вынужден идти переводчик, вольно или невольно патологизирует эти обычные операции.

И внутри языка, еще до перехода к другому, повсеместна — и слава богу — полисемия. Оперировав словом *Idee*, немецкий философ использует его в ином смысле, чем его соотечественник-портной, говорящий клиенту, что у того штаны «*eine Idee zu kurz*», т. е. чуть-чуть, буквально «на одну идею», слишком коротки. Любому немцу доводится сообщать, что он уже дошел до точки назначения (*ich bin da*) или обещать быть на месте (т. е. *da sein*), не помышляя о безднах смысла, которые слышатся любому постхайдеггеровскому философу в слове *Dasein*. Говоря о «понятии», русский философ имеет в виду нечто другое, чем

его сосед, живущий «по понятиям». И это все не просто *разные* смыслы; смысл философский, несомненно, отсылает к обыденному, играет с ним, обыгрывает его. Это — фундаментальные характеристики философствования, которые полагают естественные границы любому словарю (включая «Словарь индоевропейских социальных терминов»³ Э. Бенвениста, на который эксплицитно равняется наш «Словарь»): в философии является скорее правилом отходить от «обыденного», или «правильного», словоупотребления. Конечно, бывают и философии и философы «здравого смысла», но именно они представляют *особый* случай.

Возвращаясь к приведенной цитате из Б. Кассен, скажем снова: упомянутые проблемы не присущи одному только переводу. Слово *mind* разные *англоязычные* философы понимают по-разному. Философские проблемы ставятся и решаются прежде всего на *этом* уровне. Вовсе не нужно быть носителем другого языка, т. е. аллофоном, иностранцем, чтобы не понять или недопонять или «понять наоборот» мысль, выраженную на «своем» языке.

Наконец, несколько слов о русской части «Словаря». Она создана, как ни странно, украинской командой; хотя, собственно, почему бы и нет? Из одного интервью с Б. Кассен после выхода книги можно понять, будто она специально обратилась к украинцам, которые, абсолютно владея русским языком, достаточно внеположны, чтобы отнестись к русской философской терминологии с острающим удивлением. Было ли дело так или просто нужные или годные русские не подвернулись? А может, верны оба предположения. Во всяком случае я склонен скорее бросить камень в тех, кто не подвернулся, чем в тех, кто оказался. К тому же совершенно неизвестно, написали ли бы (не) подвернувшиеся лучше оказавшихся. Так или иначе: оказался Константин Сигов⁴ со товарищи, включая и некоторых европейских господ. Представленный ими русский отдел служит прекрасным примером упражнения в (авто)экзотизации.

Статья о собственно русском языке написана французским индологом (!) Шарлем Маламудом (он перевел «Хожение за три моря» Афанасия Никитина) и украинским философом, специалистом по «модальному реализму» Валентином Омелянчиком. Неудивительно поэтому, что модальность, избранная дуэтом, оказалась весьма экзотичной. «Русский философский дискурс характеризуется диглоссийной оппозицией» (р. 1096). Она зиждется на представлении о двух мирах, одном «нижнем», другом «верхнем». Авторы не объясняют, правда, откуда

³ В оригинале: *des institutions indo-européennes*.

⁴ Он руководит ныне Центром европейских гуманитарных исследований Киево-Могилянской академии, а также издательством «Дух и Литера». В котором издательстве выходит — на сей раз в нескольких томах — перевод на украинский язык обсуждаемого «Словаря».

взялись представления о «посюстороннем» и «потустороннем» (имманентном vs трансцендентном) в других языках и философиях, не знавших диглоссии. «Современный русский язык выражает абстрактные и поэтические термины старославянскими формами» (р. 1098; признаюсь, что не совсем понимаю смысла этой фразы, поэтому и не решусь ее оспаривать). «В общем, диглоссия и тот особый оборот, который она придает отношениям между русским и европейскими языками, является одним из корней русских непереводаемых [слов]». Затем авторы говорят уже прямо о «диглоссийном мышлении». Их гипотеза состоит в том, что «русская философия формируется [в 30–40-е годы XIX в.], исходя из немецкой диалектики, истолкованной в рамках диглоссийного мышления» (там же). Далее авторы доказывают свою гипотезу на примере двоякого перевода *aufheben*: то как «снимать», то как «примирять». «Снимать» они оценивают как неологизм (!), созданный *ad hoc* (!) (р. 1099).

Далее авторы утверждают, что слово «личность» как обозначающее того, кто противостоит сообществу, — принадлежит «нижнему» миру. Этот

факт ... объясняет, возможно, его политическое использование в выражении «культ личности». Хрущев смог обрушиться на Сталина за выпячивание его «личности», поскольку «личность», вовсе не будучи позитивным термином (в отличие, например, от французской «*personnalité*»), обладает в русском языке всеми негативными характеристиками индивида, подлежащего «снятию». Критика культа личности оказывается, таким образом, еще и критикой гегельянско-марксистской ортодоксии, укорененной в диглоссическом мышлении. (р. 1100)

После таких бойких (и обезоруживающе нелепых) рассуждений уже не удивляешься, когда узнаешь, что в русском языке несовершенный вид *снимает* совершенный (там же).

Среди русских непереводаемых слов мы находим следующий список: соборность, богочеловечество, мир, поступок, правда, свобода, свет, другой, истина (а также: подноготная! важный философский термин...), народ, самость, страдание. Из чего вытекает, что реши завтра кто-нибудь выпустить «словарь» по теологии, русская сборная выступит в нем практически в том же составе. У русских, как известно, богословие и есть философия (если, конечно, ошибаются злые языки, утверждающие, что там нету ни того, ни другого; но что нам они?). На *пару* они и составляют картину мира и человека, которая, как мы знаем от А. Вежбицкой, зиждется на трех китах: душе, тоске и судьбе, из коих китов, подобно библейскому пророку, вышли и все самовары, балалайки, матрешки, чекушки, не говоря уже об авоськах.

Увы, дело просто в том, что за последние три четверти века на европейские языки были переведены *считанные* книги русских фило-

софов. Проблемы, как передать русские философские «непереводимости», просто-напросто не существует. *Этот* неуловимый Джо просто никому не нужен. Не буду ломиться в открытую дверь и напоминать, что слово «богочеловечество» представляет собой вовсе не русскую «непереводимость», а перевод греческой *theanthropia*. То же касается и «соборности», о которой автор соответствующей статьи Ж. Нива все же сообщает между делом, что это слово само есть попытка (небеспорная и оспаривавшаяся) перевести греческое *katholikos*. По той же логике можно объявить непереводимостью русскую «закономерность» за то, что она не переводится нацело на французский; но для этого нужно скрыть (или забыть), что она сама по мере сил служила переводом немецкой *Gesetzmäßigkeit*. Или к примеру тут у нас бурно развивается так называемая неклассическая эстетика «КорневиЩа» (sic! с заглавной «Щ» посередке). Так что же нам, ломать голову (в предвосхищении некоего возможного — пусть и крайне маловероятного — перевода на французский язык), можно ли перевести это обрусевшее и даже несколько одичавшее слово французским *rhizome*, переводом которого оно является? Что впоследствии и богочеловечество, и соборность обросли новыми коннотациями, делающими проблематичным их перевод «обратно», — несомненно. Но переводчики и традуктологи-переводоведы знают, что это справедливо для *любого* перевода, не обязательно перевода философских «непереводимостей».

Статья о «правде» заслуживает, пожалуй, особого упоминания. Она представляет собой гигантский и велеречивый текст самого К. Сигова, одного из *correspondants internationaux* «Словаря». Автор обосновывает отнесение этого слова к «непереводимостям» тем, что его систематически переводят как *vérité/truth* и игнорируют семантику *justice*, тогда как «русское слово «правда» соответствует греческой *dikaiosunê* и латинской *justitia*» (р. 980). Французский читатель, может, это и проглотит, а меня смущает такое постулируемое соответствие. В современном русском языке, как известно, правду можно и сказать, и, например, скрыть, чего нельзя сделать ни с *dikaiosunê*, ни с *justitia*. Дальше еще интереснее. Почитаем:

По всей логике слово «правда» должно занимать центральное место в философском словаре языка, к которому оно принадлежит. Но если мы попытаемся найти слово «правда» в пятитомной «Философской энциклопедии», вышедшей в СССР, то обнаружим его отсутствие. Почему? Это молчание, которое есть не что иное как дистанцирование от газеты с одноименным названием, официального голоса авторитарного режима, уводит далеко за рамки идеологических рассуждений, обстоятельств места, времени и цензуры, и позволяет [предложить] иной подход к классическим богословско-политическим проблемам. (...) Изначальный юридический смысл слова «правда» претерпевает разнообразные злключения, вплоть до систематического разруше-

ния и упразднения октябрьской революцией⁵ 1917 года юридических институций старого режима и традиционных лингвистических представлений о справедливости. (р. 980–981)

Потом с революцией и большевиками, поломавшими юридические институции дореволюционной России, эти воплощения справедливости, в заговор против правды вошел и другой враг: наука! Науки используют слово «истина», а не «правда», — с неожиданной обидой жалуется автор. «Современные науки либо отбрасывают слово «правда», либо элиминируют его непосредственный семантический контекст, а именно «обещание, клятву, мольбу» и т. д. по В. А. Успенскому (р. 981). Развитие наук, продолжает К. Сигов, поставило «правду» в полную зависимость от истины, толкуемой чисто инструментально. Отрадно, что в лице К. Сигова Барбара Кассен нашла куда больше, чем искала: не просто философа, филолога и координатора русского отдела, но страстного борца за дело правды, который, надо полагать, еще вернет ее на пьедестал, с которого ее подло свергли силы зла: революции, науки и истины.

Главная проблема «Словаря» заключена, на мой взгляд, в двусмысленности самого понятия «непереводимость». Его можно трактовать, по крайней мере, с двух сторон: со стороны языка оригинала и со стороны языка перевода. Переводчики или те, кто хоть иногда бывает в их шкуре, обычно сталкиваются с «непереводимостью» со стороны языка перевода, в котором не находятся адекватные готовые средства для перевода «непереводимостей» (или «с-трудом-переводимостей») языка оригинала. Такие явления здесь тоже широко представлены (статью о слове *logos* писали, как вы понимаете, не древнегреческие философы, а их коллеги и переводчики из XXI века). Эту перспективу можно назвать *дефицитарной*: она озабочена не столько пониманием непереводимого остатка (как правило, с его *пониманием* трудностей как раз нет), сколько совладанием с недостаточностью собственного языка.

С другой стороны подошли к проблеме непереводимости украинские *mouthpieces* русского отдела: редакция разрешила им дивиться неуловимому и нередуцируемому богатству *своего* (ну, почти *своего*) языка, отвергая как недостаточные все тщетные потуги *других* языков. Приходится назвать такую перспективу *нарциссичной*. Легче и приятнее фанфаронить (и надо сказать, что украинцы делают это за и для русских от души и с надлежащим надрывом) многогранностью, неуловимостью, а потому якобы «непереводимостью» «правды» (*justice* и *truth*), «мира» (*world, community* и *peace*), «света» (*world* и *light*), чем развивать свой философский язык — как для переводов, так и для

⁵ Французская орфография требует писать с заглавной: *révolution d'Octobre*, но украинцам редакция, видимо, разрешила «опустить» это мерзкое событие.

философского самостояния. Было бы гораздо интереснее и наверняка полезнее изучить и показать, как современный русский (украинский, армянский, татарский и др.) язык работает над освоением и переводом мировой классической и современной философии, как он эту работу подкрепляет и сочетает с собственно творчеством.